

**ОБРАЗ ПРОТИВНИКА В ПРИДНЕСТРОВСКОМ КОНФЛИКТЕ 1989–1992 ГГ.:
ВЗГЛЯД ИЗ МОЛДОВЫ**

Статья посвящена проблеме образов и стереотипов, характерных для изображения населения и политическо-административных и силовых структур непризнанного Приднестровья в современной молдавской литературе. Поставлен вопрос, какие особенности современные авторы Республики Молдова считают наиболее характерными для населения Приднестровья, а также как эти стереотипы отражают представления о природе конфликта. В качестве источников автор использовал публицистику, мемуары участников событий, учебную и художественную литературу. С точки зрения автора, распространенные в Молдове клише для описания «вражеских сил» служат подтверждением представления об искусственности Приднестровской Молдавской Республики, в отличие от имеющей «исторические права» на эту территорию Молдовы.

Ключевые слова: Молдова, Приднестровье, приднестровский конфликт, этнические стереотипы, национализм.

Настоящая статья имеет целью попытаться изучить проблему стереотипов изображения сторонников Приднестровской Молдавской Республики (ПМР) в приднестровском конфликте (в данное собирательное понятие автор включает политических активистов, силовые структуры и население региона, поддерживавшее создание этой де-факто республики) в литературе Республики Молдова. Источником для изучения выбрана в первую очередь публицистическая литература (в частности, материалы Министерства обороны РМ), так как она наиболее четко и концентрированно выражает представления о противнике.

Если начать с характеристик политических сил и военных группировок, выступавших за автономию, а затем независимость Приднестровья в 1989–1992 гг., то наиболее распространенными определениями противников в молдавской литературе будут следующие. Самым общим из них является понятие «сепаратисты» (реже – «сецессионисты» [14, р. 219], или «силы, враждебные целостности Республики Молдова» [5, р. 12]), применяемое в первую очередь к местным деятелям [11, р. 291; 13, р. 32; 15, р. 551; 16, р. 236]. Более конкретные определения для второй стороны вооруженного противостояния – «гвардейцы» (самоназвание созданной 6 сентября 1991 г. главной на тот момент силовой структуры ПМР – Республиканской гвардии) [12, р. 87; 13, р. 23, 29; 15, р. 552] и «казаки» из России и Украины, а также новообразованного Черноморского казачьего войска [10, р. 169; 15, р. 551; 18, р. 116]. Многие авторы, пишущие о конфликте, используют объединяющее два

* © Мединец М.Я., 2016

Мединец Михаил Яковлевич (mmedines@mail.ru), кафедра всеобщей истории, международных отношений и документоведения, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443068, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

главных компонента силовых структур ПМР клише «казаки и гвардейцы» – например, «захват казаками и гвардейцами районного отделения полиции» 1 марта 1992 г. как принятая в молдавской историографии дата начала полномасштабной войны [10, р. 168]. В официальной книге памяти погибших военнослужащих Молдовы, выпущенной Министерством обороны республики к 20-летию начала конфликта, написано, что «гвардейцы-наемники и казачество... развязали непрерывные боевые действия против легитимных структур Республики Молдова» [12, р. 87].

Что касается участия казаков в боевых действиях, то здесь подразумеваются два контекста. Во-первых, так как они были приезжими в регион (например, «около 1000 казаков из Ростовской области» [10, р. 169]), то ссылки на их роль удобны для подкрепления основополагающего тезиса о Приднестровской войне как внешней агрессии против Молдовы. Военный фотокорреспондент Тудор Йову в своем черно-белом альбоме «Мосты огня» комментирует их на фото как «призраков империи» и – для еще большего подчеркивания их чуждости местному населению и истории – «казаков, не имеющих ничего общего с запорожцами Никоарэ Подковы» (героя XVI в., участвовавшего в политической жизни Молдавского княжества и ненадолго занявшего его престол) [13, р. 31]. Во-вторых, отмечаются их «дикость» и неуправляемость, впрочем, на эти черты указывается при описании приднестровских силовиков в целом: так, «большинство партизан, участвовавших в акциях по блокированию мостов и главных транспортных артерий, находились в нетрезвом состоянии...» и часто стреляли по проезжающим мимо пассажирским автомобилям [7].

Среди более редко упоминаемых персонажей стоит обратить внимание на рабочих приднестровских предприятий [4, р. 140; 6]; женщин-активисток, участвовавших в забастовках, блокировании железных дорог в сентябре 1991 г. [12, р. 14–15], «бандитских атаках» на воинские части с целью захвата оружия для ПМР [12, р. 111], срыве инспекции Минобороны СССР в регионе [12, р. 82–83]. В одном из учебных пособий эти активистки даже названы «амазонками» [15, р. 551]. Наконец, «заклученные, освобожденные из российских тюрем с условием прийти на помощь сепаратистскому анклав» («История Приднестровского региона с древнейших времен до настоящего времени» Демира Драгнева [9, р. 435]), также упоминаемые в других работах [12, р. 124; 15, р. 552], – вообще распространенный штамп о противнике с обеих сторон.

Из чисто военных характеристик противника всегда подчеркивается превосходство сил ПМР по всем параметрам [2] или их «непропорционально большой военный потенциал по сравнению с молдавскими силами с правого берега Днестра» [16, р. 236], что служит и одним из объяснений поражения молдавской стороны в войне, и доказательством того, что они были обороняющейся стороной, которой война была навязана.

Переходя к описанию политических сил, ставших двигателем сепаратистского движения в Молдавской ССР, и их социальной базы, необходимо отметить, что в их изображении последовательно сочетаются официальная концепция конфликта как противостояния политических сил и неофициальная, но распространенная – межэтнического конфликта «коренного населения» и «чужаков-захватчиков».

Так, инициаторами движения за автономию Приднестровья Дорин Чимпешу называет «самые реакционные внутренние силы... манипулировавшие заинтересованными кругами Москвы», «в первую очередь русских, украинцев, гагаузов и болгар» [4, р. 139]. Здесь характерно выделение противников по политическому и этническому признакам одновременно. В качестве лидеров «антимолдавской» стороны называется руководство промышленных предприятий левобережья («красные директора» [4, р. 140]), по определению главы МИД Молдовы Н. Цыу, «интернацио-

нальная русскоязычная бюрократия, которая превратила Приднестровье в вотчину военно-промышленного комплекса СССР» [17, р. 45]), «лидеры рабочих комитетов и коммунистическая номенклатура» [6], мобилизовавшие рабочих на забастовки (в чем приднестровские авторы соглашаются с молдавскими). Историк А. Царану считает, что ПМР «выражала интересы наиболее консервативной части бывшей советской номенклатуры», сопротивлявшейся «национально-освободительной революции» [17, р. 54], а политический деятель О. Нантой высказывает предположение, что приказ провести забастовки против «языковых законов» в августе 1989 г. был передан приднестровским предприятиям ВПК союзного подчинения из Москвы [1, р. 65]. Бывший министр обороны РМ использует клише «заговор директоров» [8, р. 526].

Причина, вызвавшая сочетание в «образе врага» этнических и социальных черт, — это описанное, в том числе и молдавскими авторами (например, кадровым дипломатом и членом руководства Либеральной партии Ю. Фрунташу), реальное явление массовой миграции на промышленное строительство русских и украинцев [10, р. 128], ставшей причиной большей доли лиц с высшим образованием и носителей профессий высокого статуса (квалифицированные специалисты, интеллигенция, управленцы) среди славян-«колонизаторов» по сравнению с молдаванами. Сам же автор указывает на социально-демографические причины такого разрыва [11, р. 187–196]. Однако это явление породило целый ряд негативных стереотипов по отношению к восточным славянам, пришедших к стати для доказательства молдавской стороной своей правоты в конфликте за счет своего «коренного» статуса и «морального превосходства».

Например, сам Ю. Фрунташу оценивает ПМР как «режим правления меньшинства» [11, р. 312]. Дальневосточное происхождение И.Н. Смирнова и факт, что многие другие приднестровские лидеры не были рождены на этой земле, часто используются как аргументы против уступок их требованиям [17, р. 79]. Д. Драгнев указывает на то, что по этим причинам Приднестровье «было определено привилегированным в плане экономического развития, так как здесь была сконцентрирована почти треть мощностей промышленного производства, хотя она представляла только 11 % территории и 14 % населения МССР» [9, р. 346–347]. Фотография поста местных ополченцев в альбоме «Мосты огня» получает подпись «Незванные гости» [13, р. 23], а в наиболее резко выраженном виде этого тезиса приднестровская война определяется как «война городов с чужаками против сельской местности, чтобы удовлетворить геополитические амбиции России», «приднестровский сепаратизм — нарушение прав молдаван иммигрантами» [17, р. 40], а ПМР — как «анклав, где право, справедливость и собственность, история и культура, язык и религия, прошлое, настоящее и будущее — привилегии группы самозванцев, чуждой реальным интересам большинства мирного населения с древними традициями и историческими корнями» [16, р. 260]. Образ приднестровского сепаратизма как очередного воплощения вечных нашествий «врагов с востока» мы находим в номере журнала «Limba Română», вышедшем в конце 1991 г.: «Сегодня разыгрывается последний акт приднестровской трагедии. Сегодня враги коварны, как никогда. Сегодня они готовы ко всему: ударить любым способом (просыпается старый инстинкт кочевников-завоевателей), вставлять нам палки в колеса (блокирование железных дорог и т. п.), и даже поджечь дом (который им не принадлежит)» [19, р. 19].

Черты в образе противника, порожденные контрастами между сельской и городской культурами и образом жизни (в частности, мобильностью, отрывом от религии и большей «советизированностью» городских жителей — славян), интерпретированные в негативном ключе, можно выделить, в частности, в следующих высказываниях. В стихотворении поэта Г. Виеру «Lăzați-ne în legea noastră» («Оставьте нас в по-

кое»), ставшем песней в исполнении дуэта Алдя-Теодорович. В этом стихотворении идет речь о событиях 1991 г. в Молдавии (таких как подготовка к референдуму о сохранении СССР, который был запрещен молдавскими властями, но прошел в ПМР). В частности, здесь есть такие строки: «Наши предки... когда жили, знали только Писание, ничего не знали о плебисците» – противопоставление религиозных молдаван и приднестровских «безбожных коммунистов» [20]. Бывший министр обороны Молдавии И. Косташ в своих мемуарах называет памятники героям войн и некрополи в городах советским наследием, сохраняющимся в Приднестровье, проявлением «агрессивного варварского культа сосуществования мертвых с живыми» [8, р. 528]. Конкретно речь идет о могилах павших во время войны 1992 г. в центре Тирасполя [8, р. 527]. Член Народного Фронта Молдовы И. Илашку в своем интервью 1989 г. заявляет, что приднестровские города управляются «мигрантами, оставившими родную землю и родителей без помощи в старости, и которым мало известно, на какой земле они живут, с какими народами соседствуют?» [3, р. 10].

В интересной форме, скорее сочувственной, чем обвинительной, тот же стереотип в отношении «русофонов» Приднестровья как «безродных мигрантов» встречается в «примирительной» речи композитора Евгения Доги (уроженца этого региона) в парламенте Молдавии 12 сентября 1991 г.: «...и вы тоже такие же жертвы сталинского режима, как и мы. Вас оторвали от корней, вас рассеяли по большому миру и превратили в каких-то миссионеров тоталитарного режима, у вас отобрали родину... Но что такое человек без родины? Но если такое случилось, если вам выпало жить с нами вместе на этой земле, давайте жить по-человечески!» [16, р. 233].

Итак, основные черты «образа врага» в приднестровском конфликте со стороны Молдавии – это представление населения региона и его лидеров в качестве «чужаков», не имеющих права на собственную государственность здесь, более агрессивных, привилегированных в рамках советской системы, желающих сохранить эти привилегии насильственным путем, а также намного более «советизированных» и «денационализированных», чем молдавانه.

Библиографический список

1. Nantoi O. Истоки и перспективы разрешения Приднестровского конфликта // Moldova – Transnistria: Eforturi comune pentru un viitor prosper. Procesul de negocieri = Молдова – Приднестровье: Общими усилиями – к успешному будущему. Переговорный процесс = Moldova – Transnistria: Working Together for a Prosperous Future. Negotiation Process. Chişinău: Cu drag SRL, 2009. С. 55–74.
2. 750 de pagini despre războiul de pe Nistru // Oastea Moldovei. № 4–5 (531–532). 5 martie 2011. P. 3.
3. Ce vor “naţionalişti” de la Tiraspol? Interviu cu Ilie Ilaşcu realizat on a. 1989 // Limba Română. 1994. № 2. P. 6–7, 9–10.
4. Cimpoeşu D. Contrareacţia Rusiei la transformările naţionale şi democratice din Basarabia // Limba Română. 2010. № 11–12. P. 139–147.
5. Ciobanu V. Militarii în războiul de pe Nistru // Oastea Moldovei. № 2. 2013. P. 10–12.
6. Ciobanu V. Război la Nistru (I) // Oastea Moldovei. № 3 (554). 2012. 15 februarie. P. 5.
7. Ciobanu V. Război la Nistru (II) // Oastea Moldovei. № 4 (555). 2012. 29 februarie. P. 4.
8. Costaş I. Transnistria 1989–1992. Cronica unui război «nedeclarat». Bucureşti: RAO CLASS, 2012.
9. Dragnev D. O istorie a regiunii transnistriene din cele mai vechi timpuri până în prezent. Chişinău: Civitas, 2007.
10. Enciu N. Istoria Românilor. Epoca contemporană: man. pentru cl. a 12-a de liceu / Nicolae Enciu; Min. Educaţiei al Republicii Moldova. Chişinău: Civitas, 2004.
11. Frunţuşu I. O istorie etnopolitică a Basarabiei (1812–2002). Chişinău: Cartier, 2002.

12. In memoriam. În memoria eroilor căzuți la Nistru (1992). Chișinău: Centrul de Cultură și Istorie Militară, 2012.
13. Iovu T. Poduri de foc: cronică în alb-negru a unui război. Chișinău: ARC, 2002.
14. Mischevca V. Moldova de peste Nistru // *Limba Română*, 2013. № 9–12. P. 212–228.
15. Moraru A. Istoria Românilor. Basarabia și Transnistria (1812–1993). Chișinău: Universul, 1995.
16. Popa I., Popa L. Români, Basarabia și Transnistria. București: Editura Fundația Europeană Titulescu, 2009.
17. Prisac L. Istoriografia separatismului transnistrian. Iași: Lumen, 2008.
18. “Transnistria a fost creată în scopuri diversioniste și de antaj la adresa Basarabiei, tocmai pentru a împiedica apropierea acesteia de România!” Interviu cu Dl David Câmpeanu, istoric, analist politic în problema Basarabiei // *Limba Română*, 2001. № 4–8. P. 115–121.
19. Transnistria: argumente vechi și noi // *Limba Română*, 1991. № 3–4. P. 19.
20. Vieru și Aldea-Teodorovici: „Lăsați-ne în legea noastră” // URL: <http://www.pavlicenco.md/2012/10/30/vieru-si-aldea-teodorovici-lasati-ne-in-legea-noastra>.

References

1. Nantoi O. Roots and prospects of solution to the Transnistrian conflict // *Moldova – Transnistria: Eforturi comune pentru un viitor prosper. Procesul de negocieri = Moldova – Pridnestrovyje: Obshchimi usiliyami – k uspeshnomu budushchemu. Peregovornyi protsess = Moldova – Transdnestria: Working Together for a Prosperous Future. Negotiation Process*. Chișinău: Cu drag SRL, 2009. C. 55–74 [in Russian].
2. 750 de pagini despre războiul de pe Nistru // *Oastea Moldovei*. № 4–5 (531–532). 5 martie 2011. P. 3 [in Romanian].
3. Ce vor “naționalistii” de la Tiraspol? Interviu cu Ilie Ilașcu realizat on a. 1989 // *Limba Română*, 1994. № 2. P. 6–7, 9–10 [in Romanian].
4. Cimpoeșu D. Contrareacția Rusiei la transformările naționale și democratice din Basarabia // *Limba Română*. 2010. № 11–12. P. 139–147 [in Romanian].
5. Ciobanu V. Militarii în războiul de pe Nistru // *Oastea Moldovei*. № 2. 2013. P. 10–12 [in Romanian].
6. Ciobanu V. Război la Nistru (I) // *Oastea Moldovei*. № 3 (554). 2012. 15 februarie. P. 5 [in Romanian].
7. Ciobanu V. Război la Nistru (II) // *Oastea Moldovei*. № 4 (555). 2012. 29 februarie. P. 4 [in Romanian].
8. Costaș I. Transnistria 1989–1992. Cronică a unui război «nedeclarat». București: RAO CLASS, 2012 [in Romanian].
9. Dragnev D. O istorie a regiunii transnistriene din cele mai vechi timpuri până în prezent. Chișinău: Civitas, 2007 [in Romanian].
10. Enciu N. Istoria Românilor. Epoca contemporană: man. pentru cl. a 12-a de liceu / Nicolae Enciu; Min. Educației al Republicii Moldova. Chișinău: Civitas, 2004 [in Romanian].
11. Frunțașu I. O istorie etnopolitică a Basarabiei (1812 – 2002). Chișinău: Cartier, 2002 [in Romanian].
12. In memoriam. În memoria eroilor căzuți la Nistru (1992). Chișinău: Centrul de Cultură și Istorie Militară, 2012 [in Romanian].
13. Iovu T. Poduri de foc: cronică în alb-negru a unui război. Chișinău: ARC, 2002 [in Romanian].
14. Mischevca V. Moldova de peste Nistru // *Limba Română*, 2013. № 9–12. P. 212–228 [in Romanian].
15. Moraru A. Istoria Românilor. Basarabia și Transnistria (1812–1993). Chișinău: Universul, 1995 [in Romanian].
16. Popa I., Popa L. Români, Basarabia și Transnistria. București: Editura Fundația Europeană Titulescu, 2009 [in Romanian].
17. Prisac L. Istoriografia separatismului transnistrian. Iași: Lumen, 2008 [in Romanian].

18. “Transnistria a fost creată în scopuri diversioniste i de antaj la adresa Basarabiei, tocmai pentru a împiedica apropierea acesteia de România!” Interviu cu Dl David Câmpeanu, istoric, analist politic în problema Basarabiei // *Limba Română*, 2001. № 4–8. P. 115–121 [in Romanian].

19. Transnistria: argumente vechi și noi // *Limba Română*, 1991. № 3–4. P. 19 [in Romanian].

20. Vieru si Aldea-Teodorovici: „Lăsați-ne în legea noastră” // URL: <http://www.pavlicenco.md/2012/10/30/vieru-si-aldea-teodorovici-lasati-ne-in-legea-noastra> [in Romanian].

*M. Ya. Medinets**

IMAGE OF ADVERSARY IN 1989–1992 TRANSNISTRIAN CONFLICT: A VIEW FROM MOLDOVA

The article is dedicated to the problem of images and stereotypes typical for portrayal of population, administrative, and military structures of the unrecognized Transnistria. The problem put is what qualities current Moldovan authors consider the most peculiar for the population of Transnistria and how these stereotypes reflect notions of the nature of that conflict. Opinion journalism, memoirs, textbooks and fiction have been used as the sources by the author. From the author's point of view, cliches describing «the enemy» that are widespread in the Republic of Moldova serve as a tool to confirm artificial character of Transnistrian Moldovan Republic, unlike Moldova claimed to possess «historical rights» to that territory.

Key words: Moldova, Transnistria, Transnistrian conflict, ethnic stereotypes, nationalism.

Статья поступила в редакцию 11/VII/2016.
The article received 11/VII/2016.

* *Medinets Mikhail Yakovlevich* (mmedinec@mail.ru), Department of Foreign History, International Relations and Records Management, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.